

**ХИППИ
НА ДОРОГЕ!**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Только посмотри на этот сброд! — сказал водитель грузовика и сплюнул в открытое окно кабины. — Да я скорее соглашусь подвезти прокаженного, чем этих уродов!

Гарри Митчелл удобно устроился на кожаном сиденье, сотрясавшемся в такт движению машины. Он переводил взгляд с одной обочины широкого шоссе на другую, рассматривая группки хиппи, которые стояли в ожидании со своими рюкзаками, картонными коробками и гитарами, пока к ним с ревом приближалась фура.

— Отребье! — продолжал водитель грузовика. — Люди будущего! — фыркнул он. — Смех, да и только! Наркоманы вонючие, за дозу перережут горло собственной матери! — Грузовик миновал трех девушек в рубашках и брючках в обтяжку. Они замали водителю, показывая неприличные жесты. — Малолетние потаскухи! — Он снова сплюнул в окно. — Как же я рад, что у меня нет детей! Моя старуха хотела, только я сказал «нет». Мое поколение было так себе, а уж эти...

Гарри Митчелл вынул из кармана рубахи помятую пачку «Кэмела» и предложил сигарету водителю. Когда оба закурили, водитель сказал:

— Наверное, гадаешь, почему я захотел тебя подвезти. — Он бросил на Гарри пронизательный взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на шоссе. — А я тебе скажу. Ты только что вернулся из армии. Я могу отличить того, кто служил родине... служил, как и я. Я побывал в корейской заварухе. Ты, кстати, когда вернулся?

Гарри уставился на черную асфальтовую ленту, расстилавшуюся перед ними.

— Десять дней назад, — ответил он.

— Ну вот. — Водитель покивал. — Я же чую, что от тебя все еще разит армией. Нужно время, чтобы этот дух выветрился. Как тебе живется на гражданке?

Гарри пожал плечами:

— Как и всем остальным.

— Рад, что вернулся?

— Пожалуй, да.

— Ага. — Водитель понимающе кивнул. — Но ты не уверен? Вот ведь проклятая штука... эта армия. Как будто прорастает в тебя, а? Пока ты там, клянeshь ее на чем свет стоит. А как вернулся, скучаешь по ней... прямо одиноким себя чувствуешь. Я знаю. Со мной такое было, когда я уволился. — Он втянул в легкие сигаретный дым и выпустил через широкие ноздри. — Что, там и впрямь так паршиво, как об этом пишут газетчики?

Гарри поерзал на сиденье.

— Самое паршивое там — тоска. — Он умолк, мысленно увидев перед собой пышущие жаром, дымящиеся рисовые поля, джунгли и заросли, грозящие засадой. Он решил, что не хочет вспоминать. Для него все в прошлом. Он отслужил свои три года. Теперь все это уже быльем поросло.

Водитель грузовика почувствовал, что этот крупный светловолосый парень сыт войной по горло, как когда-то был сыт по горло он сам, вернувшись домой. Жаль, он-то не прочь обменяться армейскими байками и услышать правдивые факты о войне, но если человек не хочет рассказывать, то не нужно на него давить.

Водитель, которого звали Сэм Бенц, перед рейсом зашел в закусочную на окраине Дейтона-Бич, чтобы перехватить сэндвич с кружечкой пива. Ему предстояла поездка в Оринджвилл, где он должен забрать груз фруктов, чтобы доставить на северный рынок. По этому маршруту он ездил дважды в неделю и начал уже его ненавидеть из-за этих человеческих отбросов, которые запруживали шоссе, двигаясь навстречу солнцу и морю и едва ли не бросаясь под колеса с требованием их подвезти.

У барной стойки сидел крупный парень лет тридцати, блондин со светлыми, настороженно глядящими глазами, с носом, слегка свернутым набок, словно когда-то ему заехали по лицу тяжелым кулаком: он ел трехэтажный сэндвич, запивая его кока-колой. Судя по его выправке, поджарой фигуре и исходив-

шей от него уверенности, Бенц решил, что парень только что вернулся из армии.

Они разговорились, и Бенц сам предложил его подвезти, когда Гарри Митчелл обмолвился, что собирается на юг. Бенц даже не помнил, когда в последний раз брал попутчиков, однако ему понравился этот парень, он хотел поболтать с ним еще и обрадовался, когда тот принял предложение.

Ладно, решил про себя Бенц, если армейская тема исчерпана, это не значит, что больше не о чем поговорить.

— Так ты, значит, в Майами? — спросил он. — Так далеко я тебя не довезу. У меня конечная точка в Оринджвилле, оттуда до Майами еще сто десять миль.

— Я собираюсь в Парадиз-Сити, — сказал Гарри. — Знаешь такой городок?

— Никогда не бывал, но слышан достаточно. Наверное, тебе гораздо лучше остановиться в Майами. Там демократичнее. Парадиз-Сити только для богачей. Тамошние копы не любят таких, как мы. Впрочем, может, тебя там уже ждет работа?

— Нет, но надеюсь что-нибудь найти. Мне сказали, что с началом сезона там полно разовой работы, — ответил Гарри. — А мне все равно, чем заниматься. Просто хочу погреться на солнце и подышать морским воздухом. — Он широко улыбнулся. — Ты, наверное, скажешь, что во Вьетнаме этого у меня было в избытке, но только я хочу погреться на солнце лежа и в свое удовольствие.

— Послушай моего совета, — произнес Бенц, и его мясистое лицо вдруг посерьезнело. — Когда высажу тебя в Оринджвилле, выбирай проселочные дороги и держись подальше от скоростного шоссе. Не стоит тебе пересекаться с этим отребьем. Разумеется, ты способен постоять за себя. Нам всем кажется, что мы способны, но в одиночку, как бы ты ни был крут, не справиться с восемью-девятью подонками... а они всегда держатся стаяй. — Он глянул на новенький рюкзак, стоявший у ног Гарри. — Вот увидят такое и захотят отобрать. И твои наручные часы им понравятся, а уж поверь мне, когда эти подонки чего захотят, они это получают.

— Я буду осторожен, — пообещал Гарри несколько раздраженно. Он говорил с уверенностью человека, который умеет постоять за себя.

Бенц опустил тяжелую ладонь на колено Гарри.

— Одиночка вроде тебя будет там словно хромой лев среди стаи шакалов. На этом шоссе небезопасно. Мне прямо не по себе становится, как подумаю, вдруг машина сломается. Я в свое время повидал немало заварух, участвовал во многих сражениях, но меня до чертиков пугает перспектива застрять на шоссе с заглушим мотором. Эти малолетние ублюдки набросятся на меня и на мой груз, как саранча, и я ничем не смогу им помешать.

Выражение его лица и тон заставили Гарри внимательно на него посмотреть.

— Неужели все настолько страшно? — спросил он, проникшись словами Бенца, несмотря на всю свою уверенность.

— Именно. Это время года — чистый кошмар, когда они появляются на дороге стаями, — подтвердил Бенц, покачивая головой. — У одного моего приятеля ось полетела, и он застрял в двадцати милях от Оринджвилла. Вез груз апельсинов, как и я вожу. Когда его нашли копы, у него была сломана нога, треснуто три ребра, лицо разбито в кашу, а полтонны фруктов как корова языком слизнула. У него отняли одежду и все деньги, даже мотор на части разобрали и унесли. Мой приятель отлежал в больнице два с половиной месяца. А когда выписался, завязал с поездками. Нервы у него совсем ни к черту. Занимается теперь в гараже мелким ремонтом. Точно тебе говорю: это шоссе — гиблое место, так что держись от него подальше. — Он кивнул головой. — Вон, смотри, очередная шайка.

Пятеро молодых парней с волосами до плеч, некоторые с клочковатыми, невымытыми бородами, все в хипповских брючках и просторных хлопковых балахонах не первой свежести, замахали приближавшемуся грузовику.

Когда они поняли, что грузовик не собирается тормозить, один из них, моложе всех остальных, перемахнул через поросшую травой обочину и выскочил на шоссе. В какой-то леденящий кровь миг Гарри показалось, что сейчас мальчишка окажется на бампере грузовика, однако Бенц сумел ловко увести машину в сторону. Они оба успели рассмотреть бледное худое лицо безумца, блестящие глаза с расширенными до предела зрачками и редкую поросль волос на скошенном подбородке. Им вслед

понеслись проклятья, в крышу кабины ударил булыжник и отскочил на шоссе.

— Видишь, о чем я? Эта малолетняя скотина обдолбалась до чертиков... сам не понимает, что творит. — Бенц сплюнул в окно. — Если бы по встрече ехал другой грузовик, мы бы врезались.

— Но разве полиция не патрулирует это шоссе?

— Да что с того? У нас ведь свободная страна, так? Ходить по дорогам законом не запрещено. — Бенц скорчил гримасу. — Им достаточно подождать, пока копы проедут, а потом они снова принимаются за свое.

Гарри пожал плечами. Предстоящее ему путешествие, которое он предвкушал с удовольствием, начало терять свою прелесть.

— Значит, Парадиз-Сити в сотне миль от Майами?

— Где-то так. От Оринджвилла получается примерно двести миль. Ты иди по проселочным дорогам. У меня есть карта, могу отдать ее тебе.

Спустя час, в течение которого Бенц почти без перерыва болтал о правительстве, спорте, своей жене и запуске ракеты на Луну, что лично он считал пустой тратой кучи денег, грузовик сбросил скорость и свернул со скоростного шоссе на второстепенную дорогу.

— Почти приехали, — объявил Бенц. — Мне осталось еще пару миль. А впереди твоя дорога. — Он указал на узкую грунтовку, отходившую от второстепенной дороги и петлявшую между деревьями. Он остановил машину. — Идти придется чуть дальше, но сможешь поймать попутку. Здесь ездят фермеры, только смотри в оба. На самом деле, в этих краях везде небезопасно. — Он достал из сетки над головой карту. — Места тут красивые, правда кое-где небольшие болота, и там водятся змеи. — Он усмехнулся. — Подозреваю, тебе на них наплевать после того, где ты побывал. — Он снова протянул руку и вынул из сетки короткую битку. — Возьми. У меня есть еще одна точно такая же. Отличное мощное оружие... никогда ведь не угадаешь, вдруг понадобится.

Гарри помотал головой:

— Большое спасибо. Но мне не нужно.

— Бери, — настаивал Бенц. — Откуда тебе знать, что там нужно, а что нет. — Он сунул биту в руку Гарри. — Ну ладно, прощай... грейся там на солнышке и веселись.

Они пожали друг другу руки.

— Спасибо за все, — сказал Гарри. — Поищу тебя на обратном пути. Я не планирую оставаться дольше чем на пару месяцев.

Он спрыгнул на землю. Несколько неловко засунул биту в рюкзак и забросил рюкзак за плечи.

— Давай, — сказал Бенц, улыбаясь до ушей. — Я в рейсе по понедельникам и четвергам весь сезон. Спросишь у кого-нибудь в Оринджвилле Сэма Бенца. Тебе подскажут, где меня найти. Буду рад отвезти тебя обратно. Может, даже поговорим о твоей войне... мне же интересно.

Гарри тоже улыбнулся:

— Интереснее, чем мне. Ладно, до встречи и еще раз спасибо.

Когда грузовик тронулся с места, он помахал ему вслед и двинулся по грунтовой дороге широким размашистым шагом.

Извилистая дорога была пустынна. Гарри прошел по жаре пять миль, не встретив ни людей, ни машин. Добравшись до тенистой эвкалиптовой рощи, он свернул с дороги, уселся, привалившись к дереву спиной, и закурил сигарету. Заглянул в карту, которую подарил ему Бенц. Его проселочная дорога петляла еще миль десять, заканчиваясь развилкой: налево возврат на скоростное шоссе, направо — маленький городок под названием Малый Оринджвилл. Проходя через городок, дорога снова тянулась по лесистой местности до следующего городка, который назывался Желтые Акры. Гарри прикинул, что до этих Желтых Акров топать примерно двадцать миль. Он решил, что там и заночует.

Гарри снова пустился в путь. После трех трудных лет на войне он был в отличной форме и полон энергии. Ему не терпелось шагать вперед.

Около часа дня он снова присел в тени дерева у дороги, съел яйцо и сэндвич с помидором, запив все нагретейшей колой. Он закурил сигарету и уже поднимался на ноги, чтобы двинуться дальше, когда услышал шум приближавшегося автомобиля. По-

глядев направо, он увидел, как из-за поворота показалась полицейская машина и направилась в его сторону.

В машине сидели два могучих копа; водитель, заметив Гарри, прибавил газу, после чего резко затормозил рядом с ним. Дверцы распахнулись, и оба копа вышли. Тот, который вылез с пассажирской стороны, здоровяк больше шести футов ростом, с мясистым красным лицом и маленькими внимательными глазками, остановился прямо перед Гарри. Водитель, коп помладше, но такой же огромный, краснолицый и с такими же внимательными глазками, зашел ему за спину, опустил руку на кобуру пистолета.

— Ты кто и что здесь делаешь? — рявкнул старший коп.

Гарри заметил у него на рукаве сержантские нашивки.

— Просто мимо шел, — ответил он спокойно.

— Да ну? — Сержант окинул взглядом рубашку Гарри, его чистые армейские брюки с заутюженными стрелками, новые, хотя и запылившиеся полуботинки. И немного сбавил тон. — Как тебя зовут?

— Гарри Митчелл.

— Откуда ты?

— Из Нью-Йорка.

— Какие-нибудь документы имеются?

Гарри расстегнул карман рубашки и вынул военный билет, подтверждающий его увольнение из армии, водительское удостоверение и паспорт. Протянул все полицейскому.

Сержант изучил военный билет и покосился на Гарри.

— Так ты только что вернулся? Десантник, значит? — Он вдруг широко и дружелюбно улыбнулся. — Бьюсь об заклад, ты там немного повеселился, сержант.

— Это вам так кажется, — негромко проговорил Гарри. — Я бы так не сказал.

Сержант полиции вернул ему документы.

— Куда направляешься?

— В Парадиз-Сити.

— Ничего себе. Ты пешком, потому что нет выбора или просто любишь пройтись?

Добродушное выражение начало сползать с лица Гарри.

Ему наскучили эти расспросы.

— Разве это ваше дело, сержант? — спросил он, поглядев прямо в суровые глаза копа.

— Да, это мое дело. Мы задерживаем всех, кто направляется на юг без денег. У тебя есть деньги?

— Да, деньги у меня есть, двести десять долларов, — ответил Гарри, — и ходить пешком я люблю.

Сержант кивнул.

— Тебя в Парадиз-Сити ждет работа?

— Нет, но я что-нибудь найду. Я не планирую задерживаться там дольше чем на два месяца: работа ждет меня в Нью-Йорке.

Сержант снова кивнул.

— Можешь мне не верить, — произнес он уже совсем спокойным, обыденным тоном, — но в этих местах хуже и опаснее, чем на рисовых полях Вьетнама.

Гарри нетерпеливо переступил с ноги на ногу, словно человек, который остается на месте исключительно из вежливости.

— Думаете? Просто вы не были на моих рисовых полях, как вы их называете, тогда как я провел на ваших дорогах последние два дня. Мне кажется, опасности этих мест сильно преувеличены. Честное слово, меня тут ничто не пугает.

Сержант вздохнул и пожал мясистыми плечами.

— Пару часов назад, — сообщил он, — пятеро юнцов, среди них одна девушка, остановились на ферме в пяти милях отсюда. Украли трех кур и транзисторный приемник. На ферме было четверо взрослых мужчин. Они видели, как эти «дети» ловят кур, видели, как они заходят в дом и выносят приемник. Ни один из четверых мужчин ничего не предпринял. Они позволили молодым людям проделать все это, а когда те ушли, вызвали нас. И я сказал, что они поступили правильно, когда не стали мешать этим ребятам. Когда и если я их найду, то буду допрашивать с пистолетом в руке... только так с ними и можно говорить. Подозреваю, единственный способ поговорить с вьетконговцем — тоже держать пистолет в руке. Нет, я бы не сказал, что опасности этой местности преувеличены, ни в коем случае.

В голубых глазах Гарри вдруг вспыхнул гневный огонек.

— Да что такое случилось с этой страной, пока меня не было? — проговорил он, обращаясь в основном к самому себе. —

С чего вдруг взрослые мужчины стали бояться чумазных, художочных юнцов?

Сержант склонил голову набок, глядя на Гарри.

— Все изменилось как раз за последние три года. Ты просто забыл, что у нас в стране проблема с наркотой, которая все усугубляется. Большинство молодых людей, направляющихся на юг, наркозависимые. Они действительно верят, что им море по колено. И творят то, что им и в голову бы не пришло, не будь они под кайфом. Местные это знают. Никому не хочется, чтобы его покалечили или отправили на больничную койку в разгар уборки урожая. Помни об этом, сержант. Берегись этих ребят, держись от них подальше и не пытайся геройствовать. Было бы обидно испортить себе первый за три года отпуск. Ты же не хочешь проваляться пару месяцев на больничной койке? — Он обернулся к своему напарнику. — Ладно, Джексон, едем дальше. — Кивнув Гарри, он сел в патрульную машину.

Гарри смотрел, как они отъезжают. Затем он подхватил свой рюкзак, задумчиво потирая подбородок, пожал плечами и снова зашагал по длинной пыльной дороге.

Над дорогой, считавшейся центральной улицей городка Желтые Акры, особенно выделялась неоновая вывеска, по которой бежали красные буквы, складываясь в слова:

ВКУСНАЯ ЕДА

Вывеска венчала отделанное вагонкой квадратное строение с зашторенными окнами и верандой, на которой посетители могли выпивать и закусывать, наблюдая в дневное время за жизнью города. С наступлением вечера веранду редко использовали.

Само же строение было единственным в городке баром-рестораном и принадлежало Тони Морелли, толстому жизнерадостному итальянцу. Лет двадцать назад Морелли случайно занесло в Желтые Акры, он огляделся по сторонам и решил, что этому крохотному фермерскому городишке необходим ресторан. Поскольку он старался угодить всем и каждому, умел приготовить сытную и вкусную, при этом недорогую, еду и всегда был готов выслушивать чужие жалобы, заведение его процветало. Когда

его жена умерла от болезни легких, весь город явился на похороны.

Такое единодушие, как ничто другое, убедило Тони, что его не просто считают ценным членом общества, но и искренне любят. Это открытие значительно облегчило ему боль утраты. Его дочь Мария пошла по стопам матери и взяла на себя управление баром и рестораном, пока ее отец колдовал на кухне.

Сильнее всего Морелли бывал занят с одиннадцати утра до трех пополудни. Фермеры, приезжавшие в городок, заходили в ресторан, чтобы выпить и перекусить. Но около восьми вечера жизнь резко замирала. Обитатели Желтых Акрвов считали, что ужинать надо дома (все, как один, обожали телевизор), однако Морелли не закрывал ресторан. Он любил компанию, и если вдруг появлялся какой-нибудь транзитный пассажир или голодный дальнбойщик, у которого уже не было сил дотянуть до Оринджвилла, его ждал радушный прием.

Гарри Митчелл оказался на центральной улице около половины девятого вечера. Он немного устал, страшно проголодался и мечтал о холодном пиве. Красная неоновая вывеска заставила его ускорить шаг, он поднялся по четырем ступеням на веранду, толкнул дверь и вошел в ресторан. Остановился, оглядывая зал.

Здесь было около двадцати столов, накрытых клеенкой в красную и белую клетку. Каждый стол был рассчитан на четверых. Справа тянулась барная стойка, за которой висело длинное сверкающее зеркало, под потолком медленно крутился большой вентилятор, разгоняя густой горячий воздух.

За барной стойкой темноволосая девушка, пухленькая и белокожая, читала газету. Когда Гарри поставил на пол рюкзак, она подняла глаза, с одобрением оглядела нового гостя и приветливо ему улыбнулась.

— Добро пожаловать в Желтые Акры, — сказала она. — Что будете пить... я вижу, вы хотите выпить.

Ответив улыбкой на улыбку и оставив рюкзак на полу, Гарри подошел к бару.

— Вы правы, — признался он. — Пива, пожалуйста... много-много холодного пива.

Она достала бутылку пива, покрытую бисеринками конденсата, звучно открыла, налила в стакан и подвинула ему.

Он поднял стакан, глядя на девушку, а затем произнес:

— За свет в ваших глазах и солнце в вашей улыбке! — После чего выпил.

Никто и никогда не говорил Марии ничего подобного, и она слегка покраснела, оценив комплимент.

— Спасибо, — отозвалась она.

Гарри поставил стакан, провел языком по губам, слизывая пивную пену, и глубоко вздохнул.

— Когда мучает жажда... это точно то, что надо! Можно мне еще, ведь для еды, наверное, уже слишком поздно?

Мария радостно засмеялась, наливая ему еще пива.

— У нас никогда не поздно для еды. Хотите спагетти, свиные отбивные с картошкой фри и горошком прямо с огорода и яблочный пирог на десерт?

Гарри широко распахнул глаза. Он-то надеялся в лучшем случае на сэндвич.

— Вы хотите сказать, что я могу получить все это прямо сейчас?

Мария обернулась и открыла окошко в перегородке.

— Папа, у нас голодный посетитель. Твое фирменное, и как можно скорее.

В окошке появилась круглая, сияющая радостью физиономия. Морелли оглядел Гарри, одобрительно кивнул и сказал:

— Спагетти вот-вот будут. Отбивные — через десять минут. Вы любите лук, мистер?

Гарри испустил стон и похлопал себя по плоскому, мускулистому животу.

— Я люблю все, спасибо!

Сияющая физиономия Морелли исчезла.

— Присаживайтесь, — предложила Мария. — Пиво возьмите с собой. — Она указала на ближайший столик.

Гарри подхватил свой рюкзак, поставил у стола, сел. Окинул взглядом пустой ресторан.

— Сегодня неудачный вечер или это всегда так? — спросил он.

— Всегда. Мы полагаемся на выручку от ланча, но принимаем и случайных гостей, поэтому не закрываемся. Вы к нам издалека?

— Из Нью-Йорка. — Гарри снова оглядел помещение. Он чувствовал себя здесь очень умиротворенно. — Отличное у вас

заведение. Не ожидал увидеть ничего подобного. Вы не подскажите, где я смогу остановиться на ночь?

Мария улыбнулась. Положив полные руки на барную стойку, она глядела на Гарри. Он показался ей похожим на какого-то киноактера. На кого же? На Пола Ньюмана? Ну конечно, Пол Ньюман! Точно такие же поразительные голубые глаза, и даже волосы он зачесывает так же.

— У нас есть комната. Три доллара за постель и завтрак, на который папа подаст какое-нибудь свое фирменное блюдо... подойдет?

— У вас есть постоялец, — сказал Гарри.

В окошке появилась тарелка с горой спагетти, сдобренных соусом болоньезе, Мария подхватила ее и поставила перед Гарри. На секунду задержалась рядом с его столом, глядя, как он берется за вилку, а затем поспешила к сервировочному столику, чтобы принести хлеб.

— Все готовит ваш отец? — спросил Гарри.

— Совершенно верно. — Мария поставила рядом с Гарри хлеб. Она пристально смотрела на него, словно зачарованная. Никогда еще она не видела такого сильного, хорошо сложенного, красивого мужчину, как будто сошедшего с киноэкрана. — Вы не поверите, но мы с папой живем в Желтых Акрах уже двадцать лет. Я здесь родилась.

— И вам тут нравится? — спросил Гарри, ловко накручивая спагетти на вилку и отправляя в рот. От внезапно донесшегося из кухни запаха жареного лука ноздри его затрепетали.

— Да, нравится, — сказала Мария. — По вечерам немного скучновато. Мы с папой не большие любители телевизора. Зато когда народ собирается на ланч, бывает очень даже весело.

— Никогда еще не ел таких вкусных спагетти, — признался Гарри, и это была чистая правда.

— Приятного аппетита.

Мария вышла из-за барной стойки и заглянула в кухню, чтобы передать отцу слова Гарри.

Гарри ел с жадностью. Закончив, он отодвинул тарелку в сторону и довольно вздохнул. Затем допил оставшееся пиво, и в этот момент Мария вынесла из кухни тяжело нагруженный поднос. Она поставила его на сервировочный столик, забрала грязную

тарелку, поглядела на стакан, затем, когда Гарри кивнул, отнесла его на стойку, чтобы заново наполнить.

Она подала ему тарелку с двумя свинными отбивными в два дюйма толщиной, сдобренными хрустящим жареным луком. За отбивными последовала тарелка с картошкой фри и зеленым горошком.

— Приятного аппетита, — повторила она, унося грязную посуду в кухню.

Гарри пожалел, что она не осталась, чтобы поболтать. Она принадлежала к тому типу простых и непосредственных итальянских девушек, который ему нравился. На обратном пути из Сайгона он провел месяц в Неаполе и на Капри. И он успел полюбить итальянок. Они казались ему бесхитростными и добрыми — девушки без проблем. А вот те девушки, которых он успел мельком повидать за неделю в Нью-Йорке, вселяли в него тревогу. Кажется, всех их одолевали проблемы: если не секс, то деньги; если не деньги, то диеты; если не диеты, то тревожные думы о будущем. Они как будто несли на своих плечах всю тяжесть мира. Они без умолку болтали о Бомбе, о Противозачаточных, о Свободе, Политике и бог знает о чем еще — в их возрасте он вообще не думал о подобных вещах. Все эти проблемы, чувствовал он, отравляют им жизнь.

Он как раз расправлялся со второй отбивной, такой же нежной и сочной, как и первая, когда услышал звук, вынудивший его прерваться: его вилка с кусочком мяса и картошкой застыла на полпути ко рту.

С улицы донесся тяжелый топот: чьи-то подметки торопливо и дробно стучали по асфальту, кто-то бежал отчаянно быстро, и этот звук заставил Гарри отложить вилку.

Спустя секунду кто-то взлетел по ступенькам в два прыжка, от которых содрогнулось все здание. Дверь ресторана с треском распахнулась.

Пока Гарри рассматривал ворвавшегося в ресторан человека, до него с улицы донесся частый топот башмаков — бежали еще несколько человек. Бежали легко, но было в этой легкости что-то зловещее: так может мчаться волчья стая, нагоняя добычу.

Гарри быстро изучил молодого человека, который стоял у двери, тяжело дыша. На вид ему было лет двадцать шесть, чуть ниже среднего роста, а значит, на голову ниже Гарри. У него были

черные волосы до плеч и худое лицо с тонкими чертами, загорелое до оттенка красного дерева. Из глубокого пореза над правым глазом стекала струйка крови, на челюсти вспухал свежий синяк. Узкая грудь вздымалась от тяжелого дыхания, волосы, мокрые от пота, прилипли к голове. Клетчатая красно-белая рубашка была разорвана, белые брюки в грязи. В левой руке он сжимал гитару в холщовом чехле. За плечом у него болтался небольшой вещмешок. Все это Гарри ухватил одним беглым взглядом.

Молодой человек дико озирался по сторонам, словно загнанный зверь. Он заметил Гарри и указал трясущимся пальцем в сторону улицы.

— За мной гонятся. Можно мне спрятаться?

Видя неприкрытый ужас в глазах беглеца, Гарри поднялся с места.

— Иди за стойку и сядь там, — велел он.

Парень неверными шагами двинулся к барной стойке и спрятался за ней.

Гарри снова сел на место. Он подтянул к себе рюкзак, запустил в него руку, и пальцы сомкнулись на бите, подаренной ему Сэмом Бенцем.

Он ждал, прислушиваясь к приближавшимся шагам преследователей. Когда они были совсем близко, из кухни вышла Мария. И тут же ахнула и замерла на месте, увидев скорчившегося под барной стойкой человека.

— Все в порядке, — спешно заверил Гарри. — Возвращайтесь в кухню. Возможно, будет небольшая заварушка, но предоставьте это мне. Я разберусь.

Заметив, что по лицу нового гостя стекает кровь, а во взгляде сквозит ужас, Мария спешно скрылась в кухне.

Последовала долгая пауза, затем дверь ресторана медленно приоткрылась.

Они вошли друг за другом, словно призраки: четверо парней и одна девушка с транзисторным приемником в руке. Гарри тут же догадался, что это те пятеро, о которых упоминал полицейский сержант, те пятеро, которые украли приемник и трех кур.

Он переместил биты, зажав коленями и прикрыв скатертью, а руки положил на стол по сторонам от тарелки.

Четверо парней в возрасте от семнадцати до двадцати лет, не старше, были словно скроены по одному лекалу. У всех засален-

ные длинные патлы до плеч, у троих пробивалась жидкая борода, и все невероятно грязные — запах невымытого тела предшествовал их появлению, вызывая тошноту.

Девушке на вид было не больше шестнадцати: маленькая, худая, злая и наглая. На ней была черная блузка и красные брюки в грязных пятнах. Гарри решил, что от нее смердит даже хуже, чем от четырех парней.

— Он ворвался сюда, Чак, — сказал один из парней. — Я сам видел.

Очевидно, Чак был вожаком стаи. Самый старший из них, самый рослый и самый недобрый с виду. Он обводил взглядом ресторан, пока его маленькие блестящие глазки не уперлись в Гарри. Он долго таращился на Гарри, склонив голову набок. Гарри смотрел на него в ответ без всякого выражения.

Остальные четверо, тоже заметив Гарри, застыли без движения.

Пауза длилась, и безразличный взгляд Гарри начал нервировать Чака. Эти светло-голубые глаза смотрели твердо. В них не было и намека на страх. А к такому Чак не привык.

— Ты, долговязый, не видел тут парня с гитарой? — спросил он.

Гарри на волосок отодвинулся от стола вместе со стулом. Он продолжал изучать Чака, не шевелясь и не отвечая.

Чак нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Ты глухой, болван? — окрысился он.

— Я тебя слышу и твой запах тоже чувствую, — негромко отозвался Гарри. — Забери отсюда своих ребятишек. Вы провоняли весь ресторан.

Чак отпрянул назад, зашипев сквозь зубы. Его недоброе худое лицо побелело.

— Никто не смеет так со мной разговаривать, — заявил он. — Да я...

— Беги отсюда, — посоветовал Гарри. — Попроси мамочку тебя помыть.

— Ну ладно, гад, — сказал Чак, и его грязные руки сжались в кулаки, — ты сам напросился и сейчас получишь. Мы собирались всего лишь разгромить эту забегаловку, а теперь прикончим и тебя заодно.

— Это вряд ли, — возразил Гарри, отодвигаясь со стулом еще на пару дюймов. Теперь стол ему не мешал, и рука соскользнула вниз, к бите. — А то тебе будет больно. Не люблю делать больно маленьким мальчикам...

Он не договорил, потому что Чак взялся за край ближайшего стола и перевернул его. Стаканы и приборы полетели на пол. Стаканы разбились.

— Громи! — проорал он. — Разнесем здесь все!

Гарри выскользнул из-за стола и мгновенно оказался рядом с Чаком — тот даже не успел понять, что Гарри уже нет за столом. Бита опустилась на предплечье Чака. Кость хрустнула так, словно сломалась сухая палка. Чак упал на колени, хныча от боли.

Гарри отскочил от Чака и развернулся к остальным. Яростное, воинственное выражение его лица, похожее, охладило их пыл, потому что они понялись.

— Катитесь отсюда! — заорал он. — Пошли вон... быстро!

Поскольку они колебались, Гарри снова перешел в атаку. Он сделал обманный маневр, шагнув в сторону самого младшего из шайки, который пискнул от ужаса и отпрыгнул назад, а бита просвистела по воздуху и тяжело врезалась в плечо второго по старшинству парня, отчего тот упал на колени, подвывая от боли.

— Вон! — снова заорал Гарри.

Девушка плюнула в его сторону, а потом развернулась и побежала. Двое парней помладше, отпихивая друг друга, бросились к двери. Второй по старшинству поднялся с пола, придерживая плечо, и заковылял к выходу. Когда он был уже у двери, Гарри пнул его тяжелым ботинком под зад, придав ускорение, и тот скатился по ступенькам и вылетел на дорогу.

Гарри подошел к Чаку, который так и стоял на коленях, рыдая и постанывая, и прижимал к себе сломанную руку.

— Вон! — повторил Гарри. — Быстро!

Подобострастно попятившись, Чак кое-как поднялся с пола и скрылся в ночи.

Гарри вышел на веранду. Понаблюдая, как стая бежит по улице. Никто из них не остановился, чтобы помочь Чаку, который ковылял последним, продолжая стонать.

Гарри закрыл дверь ресторана и подошел к барной стойке. Перегнулся через нее, чтобы посмотреть на скорчившегося внизу молодого человека.

— Они ушли, — сказал он. — Подозреваю, тебе нужно выпить.

Парень поднялся на ноги. Его все еще трясло, а в глазах так и стоял страх.

— Я... меня, наверное, убили бы, если бы нашли, — проговорил он, навалившись на стойку.

— Успокойся.

Чтобы дать ему время прийти в себя, Гарри подошел к перевернутому столу и поставил его на место.

Мария, а вслед за ней ее отец, который слегка дрожал, вышли из кухни.

— Мне жаль, что так случилось, — сказал Гарри Марии. — Нельзя было позволять ему бить стаканы.

— Вы были великолепны! Я все видела! — Мария смотрела на него с обожанием. — Если бы не вы, у нас бы вообще ничего не осталось.

Гарри широко улыбнулся:

— Вы не позаботитесь о нашем друге? У него глубокая рана.

Мария осмотрела порез, кивнула и побежала обратно в кухню.

Морелли схватил Гарри за руку и с жаром потряс.

— Вы поступили прекрасно! Все в округе запуганы этими мерзавцами. Спасибо вам, мистер. Нам нужны такие мужчины, как вы.

Гарри, смутившись, сказал:

— Давайте все выпьем. — Он обернулся к парню с гитарой. — Как насчет скотча?

— Я Рэнди Роуч, — представился тот, протягивая руку. — Да-да! Я бы точно не отказался от скотча.

— Гарри Митчелл. — Гарри пожал протянутую руку. — Давайте все выпьем скотча.

Морелли, сияя от радости, наполнил бокалы, когда Мария вернулась с тазом горячей воды, полотенцем и лейкопластырем. Она быстро остановила кровотечение и заклеила рану. Рэнди поблагодарил ее, затем потянулся к бокалу и отсалютовал им Гарри.

— Спасибо, дружище. Они охотились за моей гитарой. Я наткнулся на них в миле отсюда. Мне удалось сбежать. Оказалось, я проворнее их. Но если бы не ты, я лишился бы и гитары, и работы.

Гарри пригубил свой скотч и спросил:

— А куда ты направляешься?

— В Парадиз-Сити. Ты тоже путешествуешь автостопом?

— Да, и направляюсь туда же. — Гарри повернулся к Морелли. — А как там поживает яблочный пирог, который мне обещали? — Он взглянул на Рэнди. — Ты еще не ужинал? Фирменное блюдо здесь исключительное.

Рэнди сказал, что хочет фирменное блюдо, и они оба сели за столик Гарри, а Морелли поспешил в кухню. Мария нарезала еще хлеба.

— Если ты идешь в Парадиз-Сити, можно пойти вместе, — сказал Рэнди, с надеждой глядя на Гарри. — Вдвоем всяко безопаснее, чем одному.

— Конечно, — согласился Гарри. — С радостью.

Мария подошла с тарелками: спагетти и большой кусок яблочного пирога с шариками мороженого сверху. Она поставила тарелки на стол.

— Папа сказал, все за счет заведения, — произнесла она, и глаза ее при этом искрились. — И ночлег тоже.

— О, ну что вы... послушайте... — начал Гарри, совсем смутившись, но Мария покачала головой:

— Так сказал папа, а если он сказал, значит решено.

Она вернулась в кухню.

Гарри поглядел на Рэнди и пожал плечами:

— Какие милые люди... не стоило им.

— Я, конечно, не берусь утверждать, но думаю, ты спас их ресторан. Те чокнутые были под кайфом. Если я могу хоть как-то тебя отблагодарить, только скажи, — от души произнес Рэнди. — Останься я без гитары, мне реально конец. Я только с ее помощью и зарабатываю. — Он поддел на вилку спагетти и продолжил: — Меня в Парадиз-Сити ждет отличная работа. Я уже третий сезон там: шикарный ресторан высшего разряда, очень стильный, его содержит один мексиканец с дочерью. Примерно как это заведение, только гораздо выше классом, а уж дочка... — Он закатил глаза. — Не увидишь — не поверишь.

Минуту он ел молча.

— Ничего себе! Вот это спагетти!

Гарри кивнул:

— И пирог тоже. А когда ты собираешься приступить к работе?

— Как только доберусь до места. — Рэнди помолчал, проглотил кусок, затем спросил: — Ты что, ищешь работу?

— Да. Есть у меня шанс? Мне без разницы, чем заниматься.

Рэнди взглянул на него в задумчивости.

— Я мог бы свести тебя с Соло... это он хозяин ресторана, Соло Доминико. И как раз сейчас он начнет набирать персонал. А ты плавать умеешь?

— Плавать? — Гарри усмехнулся. — Кажется, это единственное, что я умею делать неплохо. У меня бронзовая медаль с последней Олимпиады за вольный стиль и прыжки в воду.

Рэнди разинул рот.

— Олимпийский чемпион! Боже мой, а ты меня не разыгрываешь?

— Нет... честное слово.

Рэнди накрутил на вилку еще спагетти.

— А в армии ты служил во Вьетнаме?

— Отрубил там все положенные три года... но при чем тут это?

Рэнди засмеялся и похлопал Гарри по руке:

— В таком случае работа у тебя в кармане. Сын Соло сейчас во Вьетнаме. Старик спятит от радости, если ему выпадет шанс поговорить с парнем, который только что вернулся оттуда, кроме того, он обязан нанимать спасателя для работы на пляже... по закону это должен быть профессиональный пловец, и Соло чертовски трудно найти на эту работу подходящего человека. Те, кто хорошо плавает, не хотят работать... там ведь еще приходится расставлять пляжные зонтики, убирать пляж, подносить напитки. А те, кто готов работать, не умеют плавать. — Рэнди усмехнулся. — Такая работенка тебе подойдет? Много платить он не станет, но зато и труд пустяковый, а кормежка у Соло просто улетная.

— Еще как подойдет. Но вдруг он уже кого-нибудь взял?

— Могу поспорить, что нет. Сезон начинается только на следующей неделе. Соло деньгами не сорит. Он до последнего момента не станет никого искать.

— А ты чем у него занимаешься?

— На мне бар, и еще я исполняю пару песен во время ужина и одну — в обед. Ресторан там шикарный. Соло имеет недурную прибыль с торговли «кадиллаками», так что его заведение не чета этому.

— Звучит многообещающе. — Гарри покончил с яблочным пирогом, довольно вздохнул и откинулся на спинку стула, закуривав сигарету. — Как думаешь, долго будем добираться?

— Зависит от того, удастся ли поймать попутку. Я обычно хожу по ночам. Так безопаснее. Эти хипши путешествуют днем. Если пойдем ночью, разминемся с ними, но в таком случае меньше шансов, что подвезут. Я бы сказал, при должном везении доберемся за три дня, если нет — за четыре.

— Что ж, я никуда не спешу, — сказал Гарри. — Мне нравится идея идти ночью... не так жарко. А то я сегодня, похоже, обгорел.

— В том-то и дело. Ночью можно двигаться быстрее и уйти дальше. Слушай, а что, если двинем завтра вечером, часиков в семь? Сможем отдохнуть здесь, валять дурака целый день, зато потом будем идти всю ночь.

Гарри кивнул. Эта идея пришлась ему по душе. Он отодвинул свой стул и поднялся.

— Поговорю с девушкой.

Он подошел к барной стойке, за которой Мария перемывала стаканы.

— Мы решили идти дальше завтра вечером. Вы с отцом не против? — спросил он.

— После того, что вы для нас сделали, — серьезно ответила Мария, — мы всегда за вас. Если вы оба хотите помыться, вода пока горячая... если нужно что-то еще, только скажите.

— Помыться было бы недурно.

— Я поднимусь и застелю постель. Хотите принять ванну прямо сейчас?

— Почему бы нет? Я поднимусь с вами.

Он подошел к Рэнди, который как раз собирался приступить к свиным отбивным, только что принесенным из кухни Морелли. Сказал, что идет принимать ванну и они встретятся уже завтра утром.

СОДЕРЖАНИЕ

ХИППИ НА ДОРОГЕ!	
<i>Перевод Е. Королевой</i>	5
СНАЙПЕР	
<i>Перевод В. Вебера</i>	193
ЕСЛИ ВАМ ДОРОГА ЖИЗНЬ	
<i>Перевод М. Загота</i>	349
ПРИКИНЬ, А! Рассказы	
<i>Прикинь, а! Перевод Е. Королевой</i>	521
<i>Автостопщицы. Перевод Е. Королевой</i>	530
<i>Утренний визит. Перевод Е. Королевой</i>	563
<i>Поворот сюжета. Перевод Е. Королевой</i>	569
<i>Диалог. Перевод Е. Королевой</i>	590
<i>Генерал умирает в своей постели. Перевод Е. Королевой</i>	598
<i>Блистательная возможность. Перевод Е. Королевой</i>	613
<i>Прогулка в парке. Перевод А. Полошака</i>	639
<i>Город любви. Перевод А. Полошака</i>	645
<i>Бдение. Перевод А. Полошака</i>	680
<i>Ночные развлечения. Перевод А. Полошака</i>	685
<i>Обманчивая наружность. Перевод А. Полошака</i>	695
<i>Из подслушанного. Перевод А. Полошака</i>	709
<i>Накрашенный ангел. Перевод А. Полошака</i>	715